

Александр ВИННИЧУК

РОССИЯ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ И ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМ

Критика исторического опыта

История России изобилует резкими поворотами, переменами в системе ценностей и устройстве общества. Страна не раз разрушала сложившийся жизненный уклад, ниспровергала негодных вождей, но неизменно оказывалась еще больше отброшенной в прошлое. Позитивный эффект перемен становился лишь передышкой на пути к новым катаклизмам. Причины такого «особого пути» никогда не получали однозначного объяснения, вынуждая смиренно согласиться с тютчевским «умом Россию не понять».

Ответ на вопрос, почему происходят те или иные события в истории страны, следует начинать с характеристики субъекта этой истории, то есть общества и людей, его составляющих. Российское общество характеризуется рядом феноменов, которые на каждом из этапов в большей или в меньшей степени отражали его социокультурную специфику. Речь в статье пойдет о наиболее устойчивых признаках, зародившихся в древности и прошедших через все циклы исторического развития.

Решающим фактором для развития общества, определяющим его историческую динамику, является не развитие экономики, техники или технологии, а перемены в нравственном основании. Нравственность является основой и формой любой культуры, объединяющим общество элементом и программой его развития. В «Философских письмах» Петр Чаадаев говорит о цели и смысле истории как о «великом апокалиптическом синтезе», когда на земле установится «нравственный закон»¹ в рамках единого планетарного общества.

Даже политические требования, выдвинутые протестующими на Болотной и Сахарова в декабре 2011 года, носили не политический характер: они связаны не с удовлетворением конкретных политических или экономических интересов, а имели исключительно нравственное основание. Иными словами, это как раз те требования, которые власть не в состоянии удовлетворить. Именно невыполнимость требований протестующих — главный успех (и одновременно неуспех) всего протестного движения на протяжении всей отечественной истории.

Александр Александрович Винничук родился в 1990 году, кандидат философских наук. Автор научно-популярного проекта «Вселенная как она есть» в ростовском пространстве «Циферблат». Автор просветительского проекта «Look эпохи: образ жизни, технологии, философия» в Донской государственной публичной библиотеке. Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Журнал поэтов», «Контрабанда», «Невский альманах», «День и ночь», в «Литературной газете» и др.

¹ Чаадаев П. Я. Философские письма. <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>

С древних времен единственной формой российской нравственности и, следовательно, основой российской культуры был вечевой идеал. Поочередная смена двух составляющих его противоположностей — соборности и авторитарности — и представляет собой содержание и эволюцию общественной жизни в России. Вечевой идеал — нравственный идеал традиционной цивилизации, который лежит в основе жизни славян до появления государства и является исходной точкой их дальнейшего развития. Идеал ориентирован на сохранение замкнутых локальных сообществ: патриархальной семьи и общины. Массовое народное сознание населения России уходит корнями в традиционную крестьянскую культуру, которая основана на манихейском и синкретическом видении мира. В соответствии с ним мир для человека представляет собой борьбу Правды и кривды, а люди делятся на своих и чужих — оборотней зла. Страх перед внешними силами, явлениями природы и всем, что лежит за пределами «Мы» (термин из транзактного анализа Эрика Берна), стал главным компонентом крестьянского мира. Синкретизм — древнейший принцип социальной и культурной жизни, основанный на стремлении слиться с важными для человека природными и социальными явлениями (космосом, общиной, тотемом, вождем), в широком смысле — стремление вернуться к прошлому, в мифический Золотой век. Существовая в рамках общины — структурообразующего элемента общественной жизни в России, — личность идентифицировала себя с целым и следовала обычаям, принятым в локальном сообществе. Человек подчинялся большинству и опасался проявлять инициативу. Любая активность воспринималась им как результат внешней силы, в частности — воли первого лица. В народном сознании одновременно оказались закреплены, с одной стороны, убеждение в сакральности и всемогуществе власти, олицетворяющей силу и Правду и имеющей монополию на все сферы жизни, а с другой стороны — представления о том, что власть есть зло и все трудности связаны с плохим «господином».

Языческое преклонение перед первым лицом государства перемешалось с сопротивлением чиновникам, которое приводило к бунтам. Последние, впрочем, как в царское время, так и после революции 1917 года, чаще всего носили кратковременный характер, заканчивались приходом восставших с повинной (вспомним проблематику пушкинской «Капитанской дочки») и поэтому не могли сокрушить власть. Экстраполяция субкультуры древнего сельского мира общины и ее архаичных ценностей на растущее общество привела к распространению ее принципов на все государство. Сформировалось главенствующее мифопоэтическое мировоззрение, в котором прошлое господствовало над будущим, а статика — над динамикой. Для урегулирования конфликтов использовались проверенные решения прошлого, любые ценности сообществ среднего уровня (пресловутый средний класс, который все пытаются создать) отвергались, народ стремился к уравнительности и сохранению натурального хозяйства. Характер действий и принятия решений определяла вера в чудо, в мгновенные перемены, в достаточность одного волевого решения для качественных изменений. Негативный опыт прошлого объяснялся в манихейском духе злонамеренностью врагов и недостаточной радикальностью реакции. Вера в конкретных носителей мирового зла, угрожающих внутреннему миру и благосостоянию, оправдывала борьбу с ними. В условиях безразличия к человеческой жизни и личности такой подход приводил к террору и самоистреблению, достигшему апогея в советский период. Критика прошлого опыта была недостаточной для переосмысления народом самого себя и качественного скачка в общественном развитии. Менталитет остался крепостным даже после реформы 1861 года, которая отменила лишь государственное крепостничество, но не затронула крепостничество внутри общины. В модифицированном виде оно существовало и в советский период, когда каждый член общества подчинялся решениям вышестоящих, партийных

органов, был привязан к месту жительства и работы. Точно так же и община (сначала в форме родовой, затем крестьянской поземельной, а потом в виде колхозов и совхозов) сохранилась на протяжении всей истории, не изменив своей сути, несмотря на попытки ее адаптации для существования в рамках государства. Несмотря на несоответствие современному этапу развития общества, указанные характеристики в той или иной форме могут присутствовать и в современном общественном сознании.

Одной из главных характеристик общественных процессов в России на протяжении всей ее истории становится **раскол**. Его предпосылки обозначились уже в период зарождения государственности и закрепились после принятия христианства. Со всей четкостью раскол проявился в результате церковной реформы, зрелой формы достиг во время царствования Петра I и с тех пор лишь усиливался, постепенно охватывая все ступени российского общества. В основе раскола лежит конфликт двух противоположных типов логики — локальной и общегосударственной, действующих в рамках одной страны. Каждая из них по-своему рациональна и соответствует определенной культурной парадигме, формирующей соответствующую ментальность, нравственность, политическую культуру, экономическую систему и типы самосознания. Локальная логика является элементом традиционной цивилизации, которая складывалась в России с древнейших времен; общегосударственная — частью либеральной цивилизации, возникшей на более позднем этапе развития общества. Традиционная цивилизация основана на ценностях неизменности человеческих отношений, на приоритете этих отношений перед повышением эффективности деятельности, на идеализации идеалов прошлого. Раскол привел к тому, что российское общество на протяжении истории было вынуждено одновременно решать две взаимоисключающие задачи: обеспечивать рост и модернизацию, с одной стороны, и поддерживать исторически сложившийся порядок в угоду традиционализму. За невозможностью заменить одну систему ценностей другой, так как обе оказались достаточно укоренены, история страны превратилась в череду попыток сместить между ними центр тяжести. Раскол в мыслях, самосознании социальных слоев — от крестьянства, интеллигенции до духовной и властной элиты — затруднял анализ обществом собственного опыта и препятствовал его развитию. Противоречивость, непоследовательность решений и действий (половинчатые решения) стали характерным свойством российской жизни.

В статье «Совестливые циники и бессовестные идеалисты» русско-американский философ и публицист Михаил Эпштейн заявляет, что политическая жизнь любой страны — вечный круговорот идеализма и цинизма. Он делает попытку разделить всех людей в зависимости от двух признаков — наличие веры в высшие принципы и справедливость, разумность мироустройства (идеализм, цинизм) и отношение к нравственности (совестливый, бессовестный). Философ находит в смене высших руководителей советской страны, и как следствие, в смене политической парадигмы одну неслучайную закономерность: *Советская история сделала как бы полный круг, начав с бессовестного идеалиста Ленина, пройдя через бессовестный цинизм Сталина и совестливый цинизм Хрущева, чтобы завершиться в совестливом идеализме Горбачева*². Лучшие политики, приходит к выводу Эпштейн, вырастают все же из совестливых идеалистов — это самая продуктивная нравственная позиция: стремление жить не по лжи, в соответствии с высшими целями и принципами, но при этом «не загонять железной рукой человечество к счастью», не превращать высшие принципы в «жизнеразрушающие устройства, социальные химеры и абстракции»³.

² Эпштейн М. Совестливые циники и бессовестные идеалисты // Журнал «Слово/Word», № 62, <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/62/ep8.html>

³ Там же.

Фигуры совестливого циника (Хрущев) и бессовестного идеалиста (Ленин) составляют в России важнейшую нравственную коллизию, потому что с остальными двумя типами, впитавшими в себя либо обе положительные характеристики (совестливый идеалист), либо обе отрицательные (бессовестный циник), все более-менее ясно.

Расколотое общество изменяется, осуществляя «маятниковые» колебания между полярными состояниями, что и составляет инерцию истории. Такой тип динамики несет в себе потенциал дезорганизации и катастрофы, так как перед порогом изменений в обществе повышается опасность отторжения достижений предшествующего этапа. В качестве новых решений принимаются старые альтернативы, которые затем с ожесточением отвергаются. В ситуации разочарования в модернизации и демократии в современном российском обществе происходит откат к доиндустриальным идеям: патриархальности, корпорации, исключительности собственной культуры, архаических мифологий «сильного вождя», «великой истории», «великой нации» и т. д. Это типично для общественно-политической ситуации в России на протяжении всей истории: убеждение в том, что дискомфортное состояние можно снять переходом от одной крайности к другой, широко распространено. В результате общество существует в условиях перманентной дезорганизации, конфликтов и разрухи.

Традиционные общества основываются на идее аграрных циклов и Вечного возвращения, нетрадиционные же следуют идее линейного времени, а именно прогресса. Россия соединила в себе и циклический, и линейный типы развития: ее прошлое имеет свойство повторяться в измененных исторических условиях.

Российская власть прекрасно чувствует себя в условиях предсказуемости. При этом ход истории движется ко все возрастающей роли неопределенности, хаоса и случайности (тот самый второй закон термодинамики, который утверждает повсеместное торжество энтропии). Неудача объявленной Дмитрием Медведевым модернизации мы связываем с историческим неприятием российской власти даже малой доли случайности, но именно случайность делает возможным все новое.

К 1991 году в истории России завершились два полных социокультурных цикла. Первый — с момента формирования государственности и до 1917 года, второй — с 1917 года по 1991 год. Традиционное общество — имперская государственность (сформировалась в ходе первого цикла) — обнаружило предпосылки перехода к либеральной цивилизации, однако не смогло модернизироваться и попало в тупик между цивилизациями, параллельно развивающимися в рамках одной страны. Развитие стало происходить в условиях нарастания раскола, а переходное состояние стало стабилизироваться: традиционность изживала себя, но не исчезала до конца, при этом либерализм не получал должного развития. Либеральная цивилизация западного образца остается недостижимой. Общество не может разрешить возникающие социокультурные противоречия между древней культурой и новыми социальными отношениями и поэтому существует под угрозой катастрофы.

Промежуточность отразилась на многих аспектах жизни российского общества. В частности, в России с большим трудом происходит формирование прослойки среднего класса (и с трудом продолжается и сегодня). В стране нет того класса, который способен стать ключевым звеном общества. Появившись поздно, эта прослойка остается слабой, ее развитие ограничивается либо политическим курсом, либо народной тягой к уравнительности. Да и в целом формирование сословий и осознание ими своих интересов в российском государстве идет медленно. Слой, способный критиковать вечевой идеал, долго не складывался, прочной нравственной основы для интеграции общества не нашлось. Если на Западе внутрисословные интересы сильнее местных, то в России — наоборот, что означает, что страна еще не прошла весь путь преодоления архаичного синкретизма.

Необычные с точки зрения мирового опыта явления в российской экономике также обусловлены промежуточной цивилизацией. Утилитарная нравственность в духе Стюарта Милля — связующее звено между традиционной и либеральной нравственностью и основа либеральной цивилизации — не стала в России частью культуры или религии. Утилитаризм отличает осознание окружающего мира как средства для эффективной человеческой деятельности. Двойственность утилитаризма, с одной стороны, проявляется в увеличении богатства, умений, технологий для развития общества, личности и экономики. С другой — в легкости перехода к эксплуатации человека. Западные либеральные идеи и ценности, к которым обратилась русская интеллигенция, не были приняты ни дворянством, ни крестьянством. В обществе, тяготеющем к синкретизму, сохраняется древняя монополия власти на жреческие и идеологические функции. Утилитаризм в нем не может стать реально действующей программой. Общество и в лице духовной элиты, и в лице церкви отрицает идею пользы, если она не служит государству или народу в целом. Модернизация осуществлялась во благо государства, но не для улучшения повседневной жизни людей. Торговля, предпринимательство, деловой успех традиционно осуждались, новшества оценивались негативно, активная преобразовательная деятельность не поддерживается.

В статье «Климат-контроль: фабрика оттепели» современный политический философ Андрей Ашкеров приходит к пониманию циклов отечественной модернизации как циклов деградации: реформы становятся возможны исключительно ценой разрушения уже существующих достижений. Рассматривая последствия попадания страны в ловушку «догоняющего развития», Ашкеров описывает феномен неоварварства как следствие модернизационных преобразований. В соответствии с подобной концепцией, российская цивилизация является аномалией, что воплощается в расхожем принципе: «Так жить нельзя».

Традиционализм сдерживает в России развитие капитализма. В условиях промежуточности общество испытывало трудности с обеспечением мотивации для модернизации. Православие не смогло ее обеспечить и было заменено коммунистической псевдорелигией (псевдосинкретическая идеология), которая использовала высшие ценности утилитарно, апеллируя не к личному интересу и классовому компромиссу, а к общему благу народов России в справедливом коммунистическом обществе. Нравственный идеал советского периода становится синкретичным: тождественным и одновременно противоположным господствующему нравственному идеалу Древней Руси — вечевому идеалу. Гибридный, или кентаврический, нравственный идеал — особая форма нравственности, отождествляющая различающиеся идеалы, связанные с разными, в том числе конфликтующими социокультурными силами, и возникающая в тех случаях, когда необходимо связать единой идеологией разнородные слои населения — например, интеллектуалов и широкие народные массы.

В силу сосуществования в России двух цивилизационных типов на ее территории столкнулись две тенденции: государственническая и антигосударственническая. Разрыв между социокультурными группами, тяготеющими к государству, и группами, стремившимися к локальным сообществам, проявился уже в Киевской Руси. Локализм издревле составлял основу жизни низов и непосредственно влиял на тягу общества то к авторитаризму, то к соборности. Этой проблематике посвящено, например, «Слово о полку Игореве». Развитие городов, разрушающее традиционную крестьянскую мораль и формирующее новые типы отношений и ценностей, шло недостаточно быстро. Немногочисленная группа людей в деревне, способная отойти от устоявшихся порядков жизни и развивать общегосударственные ценности, сталкивалась с противостоянием основной массы общинников. Попытки власти опереться на народные силы и со-

единить государственность с ценностями массового сознания часто оканчивались неудачей, так как наиболее массовый социальный слой крестьянства стремился к предгосударственному нравственному вечевому идеалу. Крестьяне сохраняли идеалы вольной жизни и хотели освобождения не только от землевладельца, но и от государства, от всякой необходимости платить налог. Многие сбегали на юг России или на Урал и образовывали автономные казачьи государства. Силы традиционализма не раз в истории уничтожали государственность, допустившую чрезмерный для данной культуры рост товарно-денежных отношений, расслоение общества на богатых и бедных, и создавали новую синкретическую государственность, которая под влиянием массового традиционализма возвращалась к относительно сбалансированному обществу традиционного типа. Превращение общества в набор замкнутых локальных миров ликвидировало основу для единства: люди, не связанные торговлей, обратились во врагов, борющихся за ресурсы, а мир предстал лишь затишьем в череде конфликтов, «войны всех против всех».

Власть, нуждаясь в налоговых поступлениях и видя пользу в модернизации и государственности, с одной стороны, требовала от народа развития торговых отношений, а с другой — тормозила этот процесс. Это проявилось и во времена ордынского ига, когда князья вели борьбу с вечевыми институтами и торгово-ремесленными посадами, и в царствование Ивана IV, когда были разгромлены наиболее прогрессивные центры ремесленничества и торговли — Тверь и Новгород, а опричнина уничтожала европейские феодальные и рыночные уклады. Слабой частной инициативе противостояли патерналистские традиции, крупные государственные монополии и производства с государственным покровительством. Это манихейское развитие, подавлявшее срединную культуру во всех видах, — трагическая особенность исторического развития России. Незрелость рыночных отношений, рынка, буржуазной культуры стали элементами антикапиталистического пути в новую цивилизацию. Государственная докапиталистическая монополия переняла лишь техническую базу капитализма. И несмотря на то, что советское общество смогло в ограниченной степени достичь модернизации, развить индустриальные формы труда и промышленного производства, оно основывалось на менталитете и ценностях не либеральной, а «промежуточной» цивилизации, между элементами которой не было согласия. Даже в конце XX века торговля не пользовалась симпатией населения, и в 1990-е российское общество можно определить как докапиталистическое с преобладанием дорыночных отношений.

Современный русский философ Федор Гиренок утверждает, что русский человек не может вращаться только вокруг своего «я», у него нет пресловутой ницшевской «воли к власти», а следовательно, и проявлять частную коммерческую инициативу. Незащищенная соборная душа русского человека, по мнению Гиренка, постоянно сталкивается с автономным волевым началом человека западного, убившего Бога и отказавшегося от души. В истории был только один случай, говорит Гиренок, когда властная машина «сломала свои зубы о человека» (или не совсем человека) — это судьба Иисуса Христа.

Феномен власти возникает только в той пространственно-временной точке, когда кто-то объявляет себя носителем Власти, а это абсолютно волюнтарная акция, противная духу «русского». Полная и последняя легитимация власти происходит именно тогда, когда человек перекладывает на власть свою собственную ответственность за окружающий миропорядок, тем самым передает власти свою свободу, а сам отказывается от права быть властью (вспомним примеры многочисленных отречений от престола, сопровождавших всю русскую историю).

Итак, за свою историю Россия прошла два полных цикла развития и вступила в третий после августовских событий 1991 года. По сравнению с первым советский цикл

отличается качественными изменениями в социальном, технологическом, культурном и нравственном аспектах общественной жизни. Общество мучительно отходило от синкретизма и укрепляло утилитарную нравственность. Модернизация и утилитаризм повлияли на поведение социальных групп и средства массовой коммуникации и ускорили время протекания циклов: 74 годам советской истории соответствует весь предшествующий период развития Российского государства. Национальная идея первого цикла в советский период превратилась в классовую идею, но осталась, как и прежде, государственнической, в скрытом виде — имперской. Раскол не был изжит, а был замаскирован морально-политическим единством общества, что стало возможно благодаря идеологической гибкости и утилитарному манипулированию псевдосинкретизма, ориентированного не только на ценности массового общинного сознания, но и на ценности роста и развития. После распада СССР интернационализм советского этапа стали отрицать, вновь возвращаясь к национальной идее.

Переход к постсоветскому этапу развития России стал результатом банкротства предыдущего идеала, доведшего до предела неспособность оценить реальное положение дел и противостоять разрушительным процессам. Для утверждения нового идеала нужен был глубочайший кризис всей системы, осознание угрозы национальной катастрофы. Выход общечеловеческих ценностей на место манихейского классового принципа ознаменовал культурный поворот в масштабах всего перестроечного и постсоветского периода. Идеология предшествующих этапов, противопоставлявшая «своих» и «чужих», была временно отвергнута. Начался решающий рывок на пути от крайнего авторитаризма к соборности, то есть к торжеству локализма. Власть сместилась от центра к ведомствам, регионам, республикам и дальше вниз. Соборно-либеральный характер нового идеала подразумевал отождествление различных систем нравственности и был призван соединить все иные идеалы. Его смысл заключался в том, что массовые народные движения основывались на локальных ценностях, однако, выходя на общегосударственный уровень, прибегали к либеральной терминологии и лозунгам (вспомним лозунги протестующих перед Домом правительства шахтеров). Это позволяло выйти за локальные рамки и приобщиться к проблемам целого, но не меняло старого содержания. Либеральная интерпретация сдвига в массовом сознании была наиболее далекой от народа.

Постсоветский этап начался с осознания кризиса и проведения реформ. Но реформы не стимулировали творческую активность людей и усилили массовое стремление вернуться к локальным формам жизни. К либерализму обратилась лишь малая часть народа, большая же не вышла за рамки крепостничества. Патерналистское мировоззрение парализовало развитие общества. Нарастающий локализм дошел до крайней точки отказа от государственности. Продолжение либерального курса стало невозможно в условиях движения к казавшемуся близким полному торжеству локальных идеалов. Нравственный идеал этапа распался, приведя к национальной катастрофе: гибели части населения, дезинтеграции, ломке социальных отношений и регрессу в культуре. Хотя в ходе гибели государства удалось избежать большой крови; к власти пришли либералы, поэтому авторитарная власть 90-х возникает из этой среды в сравнительно спокойной обстановке и стала этапом на пути к рынку и демократии.

В этом отношении интересны мысли современного философа и публициста Михаила Эпштейна. Для характеристики современной политической ситуации Эпштейн выбирает биологическую метафору из теории эволюции — «обнадеживающий урод», введенную американским генетиком Гольдшмитом. «Обнадеживающий урод» в биологии — это мутирующий организм, сильно отличающийся от нормального, но в перспективе способный быстро адаптироваться к изменившимся условиям среды и дать

начало новым таксонам. Эпштейн делает допущение, согласно которому макромутации могут происходить не только в отдельных животных, но и охватывать целые этносы. Так, у России, пережившей за прошлый век четыре революции и три войны, налицо все признаки «вредных социальных мутаций». Но наряду с этим, утверждает он, есть и такие мутации, которые с точки зрения развитых западных стран могут считаться аномальными, но при этом способны стать толчком для нового роста. Поэтому в условиях глобальной мировой катастрофы «обнадеживающий урод» (данная метафора-оксюморон образно смыкается с главным архетипом русского соборного сознания — архетипом Ивана-дурачка) может показать феноменальные черты к выживаемости. Так же как и роковые ошибки в генетическом коде российской цивилизации, вылившиеся в ее отставание от западного мира, станут полезны: например, в ситуации победы искусственного интеллекта над людьми или в условиях межпланетной войны. Россия со своими прорехами в индустриальном развитии сможет стать оплотом новой самоорганизации человечества. К тому же относительно мирное сосуществование религиозных конфессий в ней и географическое положение равноудаленности от Запада и Востока сыграют нашей стране на руку в случае глобальной войны христиан и мусульман.

Циклы общественного развития в России представляют собой колебательный процесс, включающий изменения культурных, социальных и нравственных параметров общества. Раскол в обществе, слабость срединной культуры (культуры среднего класса) и соответствующих ей форм мышления, способных сдерживать натиск манихейства, привели к тому, что каждый новый поворот истории России выступал отрицанием предыдущего — обрывом части культурного опыта, традиций — и нередко оборачивался катастрофой, массовой гибелью людей и разрушением государства. Главная трагедия России остается в отставании рефлексии и самосознания общества от сложности стоящих перед ним задач. Недостаточная способность к самопознанию и самоизменению, мифологические представления о социальной реальности и путях развития стали причиной острых противоречий между стремлением общества развиваться и желанием следовать устоявшемуся ходу истории. Инерционность, архаизация, упрощение культуры до сих пор — реальные угрозы для общественного развития России.

Для того чтобы Россия в современных социокультурных условиях смогла совершить качественный рывок вперед, ей потребуется развить научно-теоретическую и практическую рефлексии, соединяющую мысль и технологии, теорию и практику, а нам, ее гражданам, быть художниками в высоком смысле этого слова. Кроме того, необходимо желание большинства членов общества менять ценности, привычки, отношение друг к другу и к труду. От каждой личности требуется нравственное усилие и смелость взять на себя ответственность за государство. Творческая фантазия ответом на все вызовы современности: она поможет привлечь российских людей к общечеловеческим ценностям и сочетать все лучшее от разных национальных культур, она даст жизнь новым технологиям, сохранит конкурентоспособность молодого поколения и создаст социальные лифты. Вера в будущее России и творческая фантазия, равные правила игры для всех и взаимное уважение — вот основа нового российского государства, где есть место всем людям и различным мнениям.

Литература

Ашкеров А. Деконструкция и инставрация. Сетевой «Русский журнал», <http://www.russ.ru/pole/Dekonstruksiya-i-instavraciya>

Ашкеров А. Политэкономика долга. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Polit-ekonomiya-dolga>

Ашкеров А. Сурков и вопросы искусствознания. <http://www.russ.ru/pole/Surkov-i-voprosy-iskusstvoznaniya>

Ашкеров А. Климат-контроль: фабрика оттепели. Сетевой «Русский журнал», 07.04.08, 16:45, <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Klimat-kontrol-fabrika-ottepeli>

Ашкеров А. Министерство правды. Сетевой «Русский журнал», 09.03.06, <http://www.russ.ru/pole/Ministerstvo-pravdy>

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.

Чаадаев П. Я. Философские письма. <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>

Эпштейн М. «Совестливые циники и бессовестные идеалисты» // Журнал «Слово/Word», № 62, <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/62/ep8.html>

Эпштейн М. Грамматика переходности. Сетевой журнал «Дар слова», № 132, <http://www.emory.edu/INTELNET/dar132.html>

Эпштейн М. Итак, хвала тебе – Чума // Новая газета, 2011, № 31.

Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре Нового времени) // М. Н. Эпштейн. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.